

Снежная буря, пронесшаяся несколько дней назад, казалась Линь Ло верхом непогоды. Однако с приходом настоящей зимы он понял, насколько недооценивал местный суровый климат.

Хлопья размером с кулак валяли с утра до ночи. Чану и Юну приходилось подниматься каждые три-четыре часа даже глухой ночью, чтобы счищать тяжелый снег со шкур, иначе деревянный каркас жилища просто рухнул бы под его тяжестью.

Впятером они безвылазно сидели в земляной яме. Чан и Юн раз в пять дней съедали по несколько десятков цзиней промерзшего мяса. Остальные трое питались лишь раз в сутки — куском жареного мяса размером с ладонь или печеной клубнелуковицей картофеля.

А-Да предупредила его: если не экономить, до весны не дотянуть — все с голоду помрут.

Постепенно Линь Ло совсем потерял счет времени. Дни превратились в бесконечный круговорот: сон, скудная трапеза, снова сон и неторопливые разговоры с Сяо Шу и А-Да.

И вот, когда запасы мяса иссякли подчистую, а от картошки осталась лишь жалкая кучка, температура внезапно взлетела — будто за одну ночь. Густой снежный покров, толщиной в несколько человеческих ростов, начал бесшумно таять под ласковыми лучами солнца.

— Зима кончилась! Весна пришла! — весело воскликнула А-Да, отодвигая плотную занавесь из тяжелых шкур.

Чан и Юн, которые больше месяца не пробовали свежего мяса и давились одной печеной картошкой, на радостях обратились в зверей, выскочили на заснеженную поляну и огласили окрестности торжествующим ревом:

— Р-р-а-а-х!

— Гр-р-р-а!

— Пи-и-и!

Со всех сторон подхватили этот клич. Из соседних землянок высыпали другие оборотни. Приняв звериный облик, они носились по тающему снегу, с рычанием сцепляясь и шутливо кусая друг друга.

Линь Ло только собрался вылезти наружу, как А-Да бесцеремонно подхватила его за поясницу и просто выставила на снег.

Поставив его на ноги, она повернулась к празднующим.

Линь Ло лишь вздохнул. В такие моменты он особенно остро ощущал колоссальную разницу в габаритах и с покорностью принимал тот факт, что в этом мире он — слабое и беспомощное создание.

Стоя у края ямы и подставив лицо солнцу, впервые за долгие месяцы проглянувшему сквозь тучи, Линь Ло смотрел на резвящихся пушистых гигантов. В голове крутилась одна мысль: пора начинать подготовку к путешествию в Город.

Прошло еще дня четыре или пять. Стремительное потепление быстро согнало большую часть снега. Охотники отправились в лес и вернулись хоть и с небольшой, но символической добычей, знаменовавшей окончание лютной стужи. Весь край собрался вместе, чтобы отпраздновать приход весны и устроить первый пир.

Повсюду трещали костры, вокруг которых сбивались стайки оборотней и полуоборотней. Шум и веселье стояли невообразимые.

Линь Ло примостился у большого центрального костра. Слева ерзал от нетерпения Сяо Шу, справа сидела А-Да. Наклонившись к ней, Линь Ло вполголоса проговорил:

— Как только станет теплее и зверье в лесах немного уgomонится, я отправлюсь в Город.

Городом здесь называли любое место торговли, где собиралось больше десятка племен. Храм Бога-Зверя отправлял туда жрецов, чтобы возвести небольшой храм Бога-Зверя, после чего окрестные роды могли съезжаться туда для натурального обмена.

Племя, приютившее Линь Ло, было небольшим и ютилось вдалеке от торговых путей. Зимой, коротая долгие дни, Линь Ло подробно расспрашивал Чана и Юна, уже бывавших в Городе, выпытывая у них каждую приметку и ориентир. Учитывая его обостренное чутье на приближение хищников, если идти проверенной тропой и проявлять осторожность, добраться до цели не составит труда.

А-Да знала, что удержать его не удастся. Она только открыла рот, чтобы ответить, как к ним подошел мокрый от пота Чан, только что отплясывавший с сородичами дикие священные танцы. Опустившись рядом с женой, он тяжело выдохнул:

— Воины нашего племени скоро идут в Город за солью. Пойдешь с ними.

Линь Ло просиял:

— Отлично! А когда они выступают?

— Соль на исходе. Выходят через пять дней.

— Отец! Я тоже хочу! Я тоже хочу стать жрецом, как Ло! — вклинился Сяо Шу. Всю зиму он капал родным на мозги, не упуская случая подать голос каждый раз, когда Линь Ло расспрашивал о дороге.

Чан лишь смерил сына суровым взглядом:

— Ты за порогом племени либо в брюхе хищника сгинешь, либо с голоду сдохнешь. Сиди дома и не дергайся.

— Отец!

Чан проигнорировал нытье и продолжил посвящать Линь Ло в детали: кто именно входит в отряд, кому он поручит присмотреть за ним в пути и как важно соблюдать предельную осторожность. В конце концов, Город — место чужое и опасное, там все устроено совсем не так просто, как в их родном племени.

Линь Ло искренне поблагодарил его.

Праздник первого весеннего мяса затянулся до глубокой ночи. Линь Ло своими глазами наблюдал, как несколько оборотней и полуоборотней без лишних церемоний сцеплялись в любовном порыве прямо на траве под одобрительные крики и улюлюканье сородичей.

Зрелище первобытной страсти вгнало Линь Ло, человека из современного общества, в краску. Смущенно отведя взгляд, Линь Ло поспешил уйти вслед за А-Да и Сяо Шу.

Сяо Шу надулся, как мышь на крупу: его злило, что взрослые отказываются брать его с собой, и всем своим видом он демонстрировал глубокую обиду.

Линь Ло же понимал, что А-Да и Чан поступают абсолютно правильно. Сам он один как перст: сгинет в лесу — никто плакать не станет. Сяо Шу — другое дело. Он младший любимый сын. Даже в самые голодные времена его берегли и не давали терпеть лишения. Если с ним что-то случится, А-Да, Чан и Юн точно не перенесут этого.

Время пролетело незаметно, и настал день отбытия.

За плечами у Линь Ло висел кожаный рюкзак, сшитый А-Да по его рисункам. Внутри он упаковал зимнюю одежду, пять клубней картофеля, две полосы сушеного мяса, мешочек сушеных плодов «Сладкое сердце» и глиняный цветок, сунутый ему Сяо Шу.

Если еда была жизненно необходима в дороге, то безделушку Сяо Шу всучил ему с унылым

напутствием: мол, этот цветок ему когда-то привез из Города Юн, и его можно будет выменять на пару кусков мяса, если в Городе прижмет голод.

Линь Ло подошел к стоявшим у выхода из стойбища А-Да, Чану, Юну и Сяо Шу. Он обнял А-Да и Сяо Шу, а затем повернулся к старшим мужчинам:

— Тётушка А-Да, дядя Чан, Сяо Шу, Юн... Спасибо вам за всё, что вы для меня сделали за эти месяцы. Если выпадет случай, я обязательно вернусь навестить вас.

— Ы-ы-ы-ы... — Сяо Шу не сдержался, залился слезами и обхватил Линь Ло за шею, утирая сопли его плечом. — Ты обязан вернуться! Я только-только нашел красивого друга, я буду ужасно скучать!

Линь Ло, у которого макушка едва доставала Сяо Шу до подбородка, а ноги были толщиной с руки этого юноши, чуть не задохнулся в его медвежьих объятиях.

— Обещаю, — прокашлялся он. — Я обязательно приду.

Не в силах вынести разлуки, Сяо Шу развернулся и удрученно побежал обратно в поселок, не желая смотреть, как Линь Ло уходит.

Линь Ло попрощался с остальными и присоединился к отряду из восьми воинов. По команде охотники приняли звериную форму. Огромный лев — давний друг Чана, у которого уже был свой полуоборотень, — пригнулся, позволяя Линь Ло взобраться на спину.

Линь Ло уселся верхом, крепко вцепившись пальцами в густую гриву и прижавшись грудью к мощной холке, чтобы удерживать равновесие.

Сорвавшись с места, гигантский зверь помчался вперед. Встречный ветер мгновенно взъерошил львиную гриву, больно отхлестав Линь Ло по лицу жесткими волосами. Деревья и кустарники слились в сплошную мелькающую полосу.

Езда на звере напоминала поездку на старом тракторе по булыжной мостовой — Линь Ло подбрасывало так, что мозги, казалось, вот-вот вылетят через уши. Но он молча терпел, не желая стать обузой для охотников. Ему и так оказали огромную честь, дозволив ехать верхом, а не плестись пешком.

[0102] К вечеру отряд добрался до пещеры, о которой говорил Чан. Это место охотники использовали как перевалочную базу во время дальних походов. Достаточно было перекрыть вход, чтобы не опасаться ночного нападения хищников.

Однако при приближении к пещере из ее глубины блеснул огонек. Вожак отряда, массивный оборотень-носорог по имени Мэн, мгновенно остановил спутников и насупился:

— В окрестностях нет других племен, а этой пещерой пользуемся только мы. Будьте настороже. Цзе, проведай, что там.

— Есть, — откликнулся юркий оборотень-обезьяна и мгновенно растворился в темноте.

Вокруг стоял дремучий лес. С наступлением ночи хищники активизировались, и от их дикого рева кровь стыла в жилах.

Цзе вернулся быстро. В его голосе звучало крайнее изумление:

— Мэн, там... там наш Сяо Шу!

— Сяо Шу?! — ахнул Линь Ло.

Но он же оставался в поселке! Как он очутился здесь раньше отряда?

— Вот глупец! — рябь гнева прошла по лицу Мэна. — Идем в пещеру!

Они преодолели оставшиеся пару сотен метров. У входа стоял Сяо Шу. Увидев сородичей, он облегченно вздохнул и радостно замахал руками:

— Ло!

Линь Ло съехал по хвосту льва на землю и с суровым видом подошел к приятелю:

— Как ты здесь оказался?! Ты же обещал родителям сидеть дома! Представляешь, как они сейчас за тебя переживают?

Сяо Шу виновато опустил голову:

— Я... я предупредил двоих мелюзги перед уходом. Сказал им, чтобы передали отцу с матерью до темноты, что я пошел за тобой.

Охотники приняли человеческий облик и вошли следом. Мэн, ровесник Чана, строго спросил:

— Каким образом ты обогнал нас?

В глазах Сяо Шу мелькнула гордость:

— Я спустился на плоту по реке Аи! Прибыл на два звериных часа раньше вас.

— А про пещеру откуда прознал?

— Отец рассказывал о ней Ло, а я запомнил. Вот и решил поджидать вас здесь.

— Совсем без головы! — Мэн едва сдерживал гнев. — А если бы в реке тебя сожрали хищные рыбы? А если бы в лесу задрали звери?! Ты о родителях подумал?!

Сяо Шу молчал, уткнувшись носом в грудь. Он знал, что поступил безрассудно, но желание попасть в Город, найти способ стать жрецом и хоть мельком увидеть старшего брата — безумного зверя, отданного Храму Бога-Зверя, — преодолело страх.

В пещере Линь Ло приметил вещи Сяо Шу: огниво, картошку и оберег с запахом Чана, отпугивавший мелкое зверье. Значит, парень все же подготовился.

— А если бы мы не стали останавливаться в пещере, а прошли мимо? Что бы ты делал? — спросил Линь Ло.

— Если бы вы не пришли к утру, я бы повернул назад. Одному идти до Города слишком опасно.

Линь Ло выдохнул. Хоть и импульсивный, но рассудок не потерял.

Мэн рассудил так же. Смягчившись, он проворчал:

— Завтра отправлю тебя обратно с кем-нибудь. Нечего полуоборотням шастать по опасным диким землям.

— Дядя Мэн, ну пожалуйста! — воспротивился Сяо Шу. — Вы же до дождей не успеете вернуться, если потеряете время на мою доставку! Я буду послушным, честное слово! Не буду обузой!

Мэн задумался. Соль действительно была нужна немедленно: если оборотни еще могли обойтись без нее, то полуоборотни без соли быстро слабели и умирали.

— Ладно, — сдался Мэн. — Пойдешь с нами. Но по возвращении Чан из тебя всю дурь выбьет.

— Хе-хе, спасибо, дядя Мэн! — Сяо Шу просиял и ринулся помогать жарить сушеное мясо.

Линь Ло вздохнул, усаживаясь у огня:

— Знай твои родители, что ты все равно сбежишь, они бы сдались под твоим натиском еще дома.

Пожарив мясо, они зарыли пару картофелин в золу для запекания, постелили шкуры и улеглись спать, прижавшись друг к другу от ночного холода.

На рассвете отряд поднялся. Перекусив запеченным картофелем прямо на ходу, сидя верхом на зверях, они возобновили путь.

Спустя два дня отряд окончательно покинул привычные родные леса и вступил под сень чужой, неведомой чащи.

<http://bllate.org/book/20115/1992902>